

УНИВЕРСИТЕТ ВЪРХНА АНТРОПОЛОГИЧЕСКА ШКОЛА

«На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...»

Сборник статей памяти Светланы Рябцевой

*Под редакцией
Р. А. Рабиновича и Н. П. Тельнова*

Библиотека

КИШИНЕВ
2020

902/904 (082)=111=161.1

H 120

Печатается по решению Ученого совета
университета «Высшая антропологическая школа»

Составители и ответственные редакторы:

доктор истории Р.А. Рабинович,
доктор истории Н.П. Тельнов

Редколлегия:

доктор истории Л.В. Дергачева,
кандидат педагогических наук А.Э. Жабрева,
доктор культурологии Н.М. Калашникова,
кандидат исторических наук А.А. Пескова,
магистр антропологии А.А. Романчук,
доктор истории Д.А. Топал

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

«На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...» Сборник статей памяти Светланы Рябцевой = "One her wing is silver, The other one is made of gold..." Selected papers in memory of Svetlana Ryabtseva / составители и ответственные редакторы: Р.А. Рабинович, Н.П. Тельнов; обложка: Д.А. Топал; Университет Высшая антропологическая школа. — Кишинэу: Stratum Plus, 2020. — 508 p.: fig., fot., fig., fot. color, 35 p. il. color. — (Библиотека «Stratum» = Library «Stratum»), ISBN 978-9975-3198-0-5).

Cerințe de sistem: PDF Reader.

Tit., cuprins, rez. paral.: lb. engl., rusă. — Texte: lb. engl., rusă. — Referințe bibliogr. la sfârșitul art.

ISBN 978-9975-3343-6-5.

902/904 (082)=111=161.1

H 120

Этот сборник научных статей посвящён памяти учёного, археолога, видного исследователя истории средневекового ювелирного дела, костюма и ювелирного убора Восточной и Юго-Восточной Европы — Светланы Станиславовны Рябцевой (1966—2019 гг.). С.С. Рябцева занимала в науке уникальное место: её изыскания стали своеобразным «мостом между Востоком и Западом» — исследованиями Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. Светлана Станиславовна прожила короткую жизнь, но оставила о себе добрую память. Это её замечательные научные работы и то позитивное вдохновение, которое исходило от неё к близким людям, друзьям и коллегам. Сборник объединяет работы исследователей из Молдовы, России, Украины, Румынии, Беларуси, Болгарии, Венгрии, Словакии, Польши, Франции и Великобритании.

ISBN 978-9975-3343-6-5.

© Р.А. Рабинович, Н.П. Тельнов, 2020.

© Университет «Высшая антропологическая школа», "Stratum plus" Р.Р.

© Обложка: Д.А. Топал, 2020.

Редактор материалов на английском языке: Ю.Д. Тимотина

Технический координатор: Ж.Б. Кроитор

Оригинал-макет: Д.А. Топал, Л.А. Мосионжник, Г.В. Засыпкина

Редактор карт: Л.А. Мосионжник

Корректор: Г.В. Засыпкина

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

‘ONE HER WING IS SILVER, THE OTHER ONE IS MADE OF GOLD...’

Selected papers in memory of Svetlana Ryabtseva

*Edited by
R.A. Rabinovich and N.P. Telnov*

KISHINEV
2020

Памяти
Светланы Станиславовны Рябцевой
посвящается

In memory of Svetlana Ryabtseva

СОДЕРЖАНИЕ

AD MEMORIAM

Р. А. Рабинович, Н. П. Тельнов (<i>Кишинёв, Молдова</i>). «Мои глаза ласкают твой портрет». Несколько штрихов к образу исследователя Светланы Рябцевой	15
Список научных публикаций С. С. Рябцевой	33
Фотоальбом	43
Некоторые графические работы Светланы Рябцевой	44

АРХЕОЛОГИЯ КОСТЮМА

М. М. Казанский (<i>Париж, Франция</i>). Пальчатые фибулы типа Арчар-Истрия на Дунае и в Крыму.	47
С. Дончева (<i>Шумен, Болгария</i>). О форме и декоре ременных бляшек в раннесредневековой Болгарии	55
С. В. Томсинский (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Накладка на сумку первой половины X в. из Углича.	69
К. А. Лавыш (<i>Минск, Беларусь</i>). Восточные и византийские традиции в комплексе украшений женского костюма Руси (по материалам средневековых городов Беларуси)	77
А. Э. Жабрева (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). О некоторых изобразительных источниках по средневековому костюму сербской знати	89
Н. В. Жилина (<i>Москва, Россия</i>). Фибула как инсигния в западноевропейском костюме	99
К. Тэтару, Т. А. Мартин (<i>Бухарест, Румыния</i>). Булавки из клада начала XVII века из Влэдичаска, жудец Калараш.	107
Л. В. Дергачева (<i>Бухарест, Румыния</i>). Средневековый женский аксессуар головного убора из Республики Молдова	119
Н. М. Калашникова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Об использовании украшений-реплик при реконструкции костюмных комплексов	125

СОВЕРШЕНСТВО ИЗЫСКАННЫХ УКРАШЕНИЙ

- О. В. Гопкало** (*Киев, Украина*). Кольца, височные кольца, браслеты, серьги, гривны — редкие аксессуары погребального убора культуры Черняхов — Сынтана-де-Муреш 135
- В. Йотов** (*Варна, Болгария*). Золотая пластина с монограммой из поздне-античной крепости на мысе Св. Атанас 147
- И. Р. Ахмедов** (*Санкт-Петербург, Россия*). «Реликтовые» формы украшений из Елшинского клада VII в. н. э. 151
- В. Е. Родинкова** (*Москва, Россия*). История изучения женского металлического убора круга «древностей антов». 163
- А. В. Мастыкова** (*Москва, Россия*). Средневековые перстни с пентаграммой в Юго-Западном Крыму: происхождение, распространение, датировка. 171
- С. Оца** (*Бухарест, Румыния*). Серьги, украшенные ажурными сферическими подвесками, происходящие с территории Румынии, Молдовы и Сербского Баната 181
- Ю. В. Степанова** (*Тверь, Россия*). Перстни из сельских погребальных памятников Тверского Верхневолжья XI—XIII вв. 191
- А. И. Болдуряну** (*Кишинёв, Молдова*). Браслет с арабской надписью и львиной личиной с городища Костешть XIV в. (Молдова) 201
- С. И. Валиулина** (*Казань, Россия*). Некоторые украшения и детали костюма Торецкого городского поселения. 207

СОКРОВИЩА ФОНДОВ

- Л. В. Строкова** (*Киев, Украина*). Древнерусский клад из с. Новые Безрадици Киевской области. 221
- Ю. В. Мысько** (*Киев, Украина*). Предметы древнерусского головного и шейного ювелирного убора в фондовом собрании Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника 227
- А. Ф. Кочкина, Д. А. Сташенков** (*Самара, Россия*). Ювелирные изделия эпохи Волжской Болгарии из фондов Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина 237

КРАСОТА САКРАЛЬНОГО

- М. П. Крук** (*Краков, Польша*). Двусторонний энколпион с изображениями Богородицы с младенцем Иисусом и Трех Святых из коллекции князя Чарторыйского в Кракове 251

- А. А. Пескова, А. Ю. Кононович (Санкт-Петербург, Россия). Фрагменты серебряных окладов богослужебных предметов из раскопок Большого Шепетовского городища 265**
- И. А. Стерлигова (Москва, Россия). Драгоценные украшения на древнерусских иконах по «свидетельству» резных и литых образков XIII века . . 277**
- Л. В. Пекарская (Лондон, Великобритания). Золотые колты с изображениями святых: манера исполнения и неизвестные особенности стиля . . 285**
- И. Тентюк, В. Бубулич (Кишинёв, Молдова). Раннесредневековые миниатюрные топоры Карпато-Днестровского региона. Вопросы датировки происхождения и функциональности 299**

ЛИЧНОСТИ И ЗНАКИ ЭПОХ

- С. В. Белецкий (Санкт-Петербург, Россия). Топор с изображением древнерусского княжеского знака из окрестностей Чернигова 311**
- Б. Лесак (Братислава, Словакия), Н. В. Хамайко (Киев, Украина), Е. Е. Черненко (Чернигов, Украина). Печати княгини Марины 315**
- Л. П. Заболотная (Кишинёв, Молдова). Загадка одного портрета: Мария Владимировна Старицкая или Мария (Лупу) Радзивилл? 331**

«СУММА ТЕХНОЛОГИЙ»

- К. С. Чугунова (Санкт-Петербург, Россия). Информативность химического состава средневекового металла на примере двух групп украшений из медных сплавов 341**
- И. Е. Зайцева, Е. С. Коваленко, К. М. Подурец, М. М. Мурашев (Москва, Россия). Древнерусские кресты-энколпионы: опыт нейтронной и синхротронной визуализации 353**
- И. А. Сапрыкина (Москва, Россия). Украшения из легкоплавких сплавов в городском ювелирном наборе XII—XIII вв. (по материалам из раскопок Твери) 363**
- М. И. Гоняный, Т. Г. Сарачева (Москва, Россия). Химический состав металла нательных крестов из поселений Устье 2, 3 на Куликовом поле . . 369**
- Е. В. Салмина, С. А. Салмин (Псков, Россия). Горны на курганах (открытие средневекового металлургического квартала в Пскове при раскопках 2016—2019 гг.) 381**
- Т. Б. Сениченкова, С. О. Урюпов (Санкт-Петербург, Россия). К вопросу о древней технологии смолотварения 389**

ЗАВОЕВАТЕЛИ РОДИНЫ

- А. В. Комар** (*Киев, Украина*). Поясные украшения IX в. из погребений древних мадьяр Днестро-Дунайского региона 397
- Э. Галл** (*Бухарест, Румыния*). Предполагаемое погребение «венгерского воина периода Обретения родины», обнаруженное в 1959 году у озера Тей возле Бухареста 407
- М. В. Квитницкий** (*Тирасполь, Молдова*), **Н. П. Тельнов** (*Кишинёв, Молдова*), **В. С. Синика** (*Тирасполь, Молдова*), **С. Д. Лысенко** (*Киев, Украина*), **А. Тюрк** (*Будапешт, Венгрия*). Погребение из Владычень с украшением венгерского облика. 415

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- С. Н. Травкин** (*Санкт-Петербург, Россия*). Некоторые особенности использования монет в ювелирном искусстве в средние века 427
- Е. Р. Михайлова** (*Санкт-Петербург, Россия*). Древнерусские курганы могильника Которск IX 433
- В. Ю. Соболев** (*Санкт-Петербург, Россия*). Древнерусская погребальная культура Новгородской земли. Хронологические индикаторы раннего этапа. 447
- А. В. Курбатов** (*Санкт-Петербург, Россия*). О редкой находке в Березове на севере Западной Сибири 453
- Н. Д. Руссев** (*Кишинёв, Молдова*). От разноцветных ниточек до косточек и ножинок: к истории этнографических предметов давнего детства 461

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

- Д. А. Топал** (*Кишинёв, Молдова*). Ювелирные изделия клада из Феттерсфельде: в поисках нарратива, автора и адресата 469
- А. А. Романчук** (*Кишинёв, Молдова*). Женские украшения и возникновение Древнерусского государства: заметки на полях проблемы 479
- А. Е. Мусин** (*Санкт-Петербург, Россия*). Парадоксы рецепции византийской культуры в Древней Руси 487
- Ф. Ницу** (*Бухарест, Румыния*). Потребление ювелирных изделий в Мунтении и Молдове в XVII—XVIII вв. 499
- Список сокращений.** 505

CONTENTS

AD MEMORIAM

R.A. Rabinovich, N.P. Telnov (<i>Kishinev, Moldova</i>). ‘My eyes are fondling your portrait’. A few touches to the portrait of researcher Svetlana Ryabtseva . . .	15
List of works by Svetlana Ryabtseva	33
Photoalbum	43
A few graphic works by Svetlana Ryabtseva	44

ARCHAEOLOGY OF COSTUME

M.M. Kazanski (<i>Paris, France</i>). Fingered Fibulae of Archar-Histria Type on the Danube and in the Crimea.	47
S. Doncheva (<i>Shumen, Bulgaria</i>). On the Shape and Decoration of Belt Mounts in the Early Medieval Bulgaria	55
S. V. Tomsinsky (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). An Applique for a Bag of 900—950 from the Town of Uglich.. . . .	69
K.A. Lavysh (<i>Minsk, Belarus</i>). Oriental and Byzantine Traditions in a Complex of Ornaments for Women’s Costume in Rus’ (by Materials of Medieval Towns of Belarus).	77
A. E. Zhabreva (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). About Some Graphic Sources on the Medieval Costume of the Serbian Nobility	89
N. V. Zhilina (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Fibula as Insignia in a Western-European Costume.	99
C. Tătaru, T.A. Martin (<i>Bucharest, Romania</i>). Pin jewelry pieces from an early 17th century hoard found near Vlădiceasca village, Călărași county	107
L. V. Dergaciova (<i>Bucharest, Romania</i>). Medieval Female Headpiece Found in the Republic of Moldova	119
N.M. Kalashnikova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). On Using Jewellery Replicas during Reconstruction of the Historical Dresses.	125

PERFECTION OF FINE JEWELRY

- O. V. Gopkalo** (*Kyiv, Ukraine*). **Finger Rings, Temple Rings, Bracelets, Earrings, Torcs: rare accessories of burial dress of the Chernyakhov — Sântana de Mureș Culture** 135
- V. Yotov** (*Varna, Bulgaria*). **Gold Plate with Monogram of the Late-Antique Fortress at Cape of St. Atanas** 147
- I. R. Akhmedov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **“Relic” Forms of Jewelry from Elshino Hoard of the 7th Century AD** 15
- V. E. Rodinkova** (*Moscow, Russian Federation*). **History of Study of Women’s Metal Attire from the “Antiquities of the Antae” Circle** 163
- A. V. Mastykova** (*Moscow, Russian Federation*). **Medieval Finger Rings with Pentagram in the South-Western Crimea: Origin, Distribution, Dating** 171
- S. Oța** (*Bucharest, Romania*). **Earrings Decorated with Hemstitched Spherical Pendants Found on the Territory of Romania, Moldavia and the Serbian Banat** 181
- Yu. V. Stepanova** (*Tver, Russian Federation*). **Finger-rings from the Rural Burial Sites of the Tver Upper Volga of 11th—13th Centuries** 191
- A. Boldureanu** (*Kishinev, Moldova*). **Bracelet with Arabic Inscription and Leonine Mask Found in Costești Town of the 14th Century (Moldova)** 201
- S. I. Valiulina** (*Kazan, Russian Federation*). **Some Jewelry and Costume Details of the Toretskoe Urban Settlement** 207

TREASURES FROM COLLECTIONS

- L. V. Strokova** (*Kyiv, Ukraine*). **Ancient Russian Treasure Hoard from Novi Bezradychi of Kyiv Oblast** 221
- Yu. V. Mysko** (*Kyiv, Ukraine*). **Objects of the Old Rus Head and Neck Jewelry Dress in the Depositary Collection of the National Kyiv-Pechersk Historical and Cultural Reserve** 227
- A. F. Kochkina, D. A. Stashenkov** (*Samara, Russian Federation*). **Jewelry of the Volga Bulgaria Era from the Funds of the Samara Museum for Historical and Regional Studies named after P. V. Alabin** 237

BEAUTY OF THE SACRED

- M. P. Kruk** (*Krakow, Poland*). **Double-Sided Encolpion with the Virgin and Child and Three Saints in the Collection of the Princes Czartoryski in Krakow** 251

A.A. Peskova, A. Yu. Kononovich (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Fragments of the Silver Frames of Liturgical Items from the Excavation of a Large Fortified Settlement near Shepetovka	265
I.A. Sterligova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Precious Ornaments on Old Russian Icons: Evidence of Carved and Cast Images from the Thirteenth Century	277
L. V. Pekarska (<i>London, Great Britain</i>). Gold Cloisonné Kolty with Images of Saints: their Manufacturing Manner and Unknown Style Features.	285
I. Tentiuc, V. Bubulici (<i>Kishinev, Moldova</i>). Early medieval miniature axes in Carpathian-Dniester region. The issues of dating, origin and functionality . .	299

PERSONALITIES AND SYMBOLS OF EPOCHS

S. V. Beletsky (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). The Axe with the Image of an Ancient Russian Ducal Sign from the Outskirts of Chernigov	311
B. Lesák (<i>Bratislava, Slovakia</i>), N. V. Khamaiko (<i>Kyiv, Ukraine</i>), O. Ye. Chernenko (<i>Chernihiv, Ukraine</i>). Seals of Princess Marina.	315
L. P. Zabolotnaia (<i>Kishinev, Moldova</i>). The Mystery of One Portrait: Maria Vladimirovna Staritskaya or Maria (Lupu) Radziwill?	331

‘SUMMA TECHNOLOGIAE’

K. S. Chugunova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Informational Value of Medieval Metal’s Chemical Composition Based on Two Groups of Copper-Alloy Jewelry	341
I. E. Zaytseva, E. S. Kovalenko, K. M. Podurets, M. M. Murashev (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Medieval Russian Cross Pendants: Neutron and Synchrotron Imaging Experience	353
I.A. Saprykina (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Pewter Jewelry in the Urban Jewelry Set in 12th—13th cc. (According to the Materials from Excavations in Tver)	363
M. I. Gonyanyi, T. G. Saracheva (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Chemical Composition of Metal Used in Breast Crosses from Ustye 2, 3 Settlements on the Kulikovo Field.	369
E. V. Salmina, S. A. Salmin (<i>Pskov, Russian Federation</i>). Metallurgical Furnaces on the Burial Mounds (discovery of the medieval metallurgy district in Pskov during excavations in 2016—2019)	381
T. B. Senichenkova, S. O. Uriupov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Revisiting the Ancient Technique of Tar-making.	389

CONQUERORS OF THEIR OWN HOMELAND

- O. V. Komar** (*Kyiv, Ukraine*). **Belt Fittings of the 9th Century from the Early Magyar Burials of the Dniester-Danube Region** 397
- E. Gáll** (*Bucharest, Romania*). **The Grave of an Allegedly “Conquest Period Hungarian Warrior” Found in 1959, at Tei Lake near Bucharest** 407
- M. V. Kvitnytskyi** (*Tiraspol, Moldova*), **N. P. Telnov** (*Kishinev, Moldova*), **V. S. Sinika** (*Tiraspol, Moldova*), **S. D. Lysenko** (*Kyiv, Ukraine*), **A. Türk** (*Budapest, Hungary*). **Grave from Vladycheni with Adornment of the Hungarian Type**. 415

RESEARCH AND PUBLICATIONS

- S. N. Travkin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Some Features of the Use of Coins in Jewelry in the Middle Ages** 427
- E. R. Mikhaylova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Barrows with Inhumations from the Medieval Cemetery Kotorsk IX** 433
- V. Yu. Sobolev** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Ancient Russian Funeral Culture of the Novgorod Land. Chronological Indicators of Early Stage** . . . 447
- A. V. Kurbatov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **A Rare Find from Berezov in the North of Western Siberia** 453
- N. D. Russev** (*Kishinev, Moldova*). **From Multi-Colored Threads to Bones and Small Knives: towards history of ethnographic objects from remote childhood** . . 461

POLEMIC ETUDES

- D. A. Topal** (*Kishinev, Moldova*). **Jewellery from Vetttersfelde Hoard: in search of the narrative, its author and recipient** 469
- A. A. Romanchuk** (*Kishinev, Moldova*). **Women’s Jewelry and the Origin of Old Russian State: Some Remarks in the Margins of the Issue**. 479
- A. E. Musin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Paradoxes of the Reception of Byzantine Culture in Medieval Rus’** 487
- F. Nițu** (*Bucharest, Romania*). **Jewellery consumption in Wallachia and Moldova, 17th—18th centuries** 499
- Abbreviations** 505

А. А. Романчук

Женские украшения и возникновение Древнерусского государства: заметки на полях проблемы

Keywords: Old Russian state, Gnezdovo, Ladoga, Scandinavians, Varangians, Slavs, horseshoe fibulae, sundress, toponym, etymology, trade

Ключевые слова: Древнерусское государство, Гнездово, Ладога, скандинавы, варяги, славяне, подковообразные фибулы, сарафан, топоним, этимология, торговля

A.A. Romanchuk

Women's Jewelry and the Origin of Old Russian State: Some Remarks in the Margins of the Issue

The paper presents some thoughts on the issue of archaeological data interpretation (concerning women's jewelry) in the context of processes that led to the formation of Old Russian state. The author critically considers the ideas about the "Scandinavian control on the Baltic-Volga trade route" and "Scandinavian colonies" in the Eastern Europe. The author raises also a question on the initial political status and real role in the formation of the Old Russian state of the emerging trade-specialized settlements in the Ladoga and Gnezdovo.

A.A. Романчук

Женские украшения и возникновение Древнерусского государства: заметки на полях проблемы

В статье представлены некоторые размышления на тему интерпретации археологических данных (женских украшений) в контексте процессов, приведших к образованию Древнерусского государства. Критически оцениваются идеи о «контроле скандинавами Балтийско-Волжского пути» и «скандинавских колониях» в Восточной Европе. Ставится вопрос о первоначальном политическом статусе возникающих торговых поселений в Ладоге и Гнездове и их реальной роли в формировании древнерусской государственности.

Светлана Станиславовна Рябцева была не только прекрасным ученым, но и прекрасным человеком — сочетание, встречающееся реже, чем хотелось бы. На протяжении всех лет нашего знакомства и дружбы тепло ее души созревало меня, как и всех окружающих ее людей. Я очень благодарен ей и за это тепло, и вообще за нашу дружбу. И эти мои наброски на тему, ставшую делом всей ее жизни, — попытка хоть как-то выразить эту благодарность. Мне очень хочется думать, что ей это было бы приятно.

Однако прежде чем начать, я хотел бы сразу оговорить: нижеследующий текст действительно не более чем заметки на полях проблемы. Ни степень моего проникновения в проблематику древнерусских (и вообще) женских украшений, ни допустимый объем текста не позволяют квалифицировать его как-то иначе.

Вместе с тем, я искренне надеюсь, что эти мои замечания и рассуждения будут для заинтересованных читателей небесполезны.

Итак, отправной точкой своих рассуждений я хотел бы сделать один ключевой тезис, повторенный Е. А. Мельниковой в целом ряде очень интересных и важных статей. Собственно говоря, в данном случае она отражает точку зрения весьма обширной, и безусловно доминирующей группы исследователей. И в ее изложении этот тезис звучит даже, пожалуй, наиболее сдержанно и взвешенно.

Я имею в виду тезис о том, что сказание о призвании Рюрика и его братьев отражает «контроль скандинавов» над Балтийско-Волжским путем (Мельникова 2015: 27).

Соответственно этому тезису, рождение Древнерусского государства мыслится как результат становления пересекающих Восточную Европу трансконтинентальных торговых путей (прежде всего Балтийско-Волжского) — в свою очередь, возникших в результате деятельности скандинавов. Стремясь контролировать эти пути и шедшую по ним торговлю, скандинавы, согласно данной точке зрения, и создают в итоге Древнерусское госу-

дарство — в котором, на раннем этапе существования, «элита и профессиональное войско были скандинавскими».

Точками кристаллизации зарождающейся государственности полагаются «эмпории в узловых пунктах магистрали (Хедебю, Бирка, Ладога)» (Мельникова 2015: 20). Характерно также, что Восточная Европа в рамках этой парадигмы предстает перед скандинавами фактически как *terra nullius*, «ничья земля», где скандинавам в первое столетие их продвижения по Балтийско-Волжскому пути «приходилось бороться прежде всего с бескрайними пространствами».

В итоге, несмотря на постоянное упоминание и безусловное признание и роли местных, славянских и финских элит в этом процессе, выстраиваемая парадигма, в которой далее и осмысливается и интерпретируется вся совокупность наличных и вновь обнаруживаемых исторических и археологических данных, фактически скандинавоцентрична.

И закономерно, что эта «скандинавоцентричная парадигма» де факто регулярно приходит к идее о весьма широком, масштабном и массовом проникновении скандинавов в Восточную Европу — вплоть до «скандинавской колонизации», когда Ладога, Гнездово или Тимерево полагаются «скандинавскими колониями».

С позиции вынесенного в заглавие статьи вопроса для нас примечательно, что одним из существенных, даже ключевых, способов аргументации представления о «скандинавской колонизации» в Восточной Европе служит как раз апелляция к женским украшениям.

Именно опираясь на анализ скандинавских женских украшений в Гнездове, Ю.Э. Жарнов пришел к тезису (поддержанному многими) о чрезвычайной многочисленности скандинавов: «в Гнездове погребения скандинавок составляют от 40% (курганы с ингумациями) до 50% (трупосожжения) от общего числа выделенных одиночных погребений женщин» (Жарнов 1991: 215; Ениосова, Пушкина 2016: 259, 288).

Как я уже говорил, мне представляются сомнительными и предложенный Ю.Э. Жарновым подход к подсчету скандинавских погребений, и вообще идея о масштабном проникновении и оседании скандинавов в ареале (будущего) Древнерусского государства¹.

Не повторяясь, здесь я хотел бы сосредоточить внимание на ином аспекте проблемы.

Начнем с того, что, согласно Ю.Э. Жарнову, «женские скандинавские фибулы (в первую очередь овальные) являются надежным индикатором норманнского присутствия в славянской среде вообще и в Гнездове в частности. Принципиальное различие в покрое славянской и скандинавской женской одежды, и особая этносоциальная роль костюма... не позволяют рассматривать женские скандинавские украшения в качестве предметов международной торговли» (Жарнов 1991: 213).

Говоря о «принципиальном различии славянского и скандинавского костюма», Ю.Э. Жарнов имел в виду, что «для славянского костюма (как мужского, так и женского) характерны рубашки, ворот которых застегивался обычно на 1—2 пуговицы» (Жарнов 1991: 210), для скандинавского же — характерно использование фибул.

То есть, и Ю.Э. Жарнов, и даже его критики исходят из молчаливого согласия в тезисе о противопоставлении «фибульной» скандинавской культуры — и «бесфибульной» восточнославянской.

На этом фоне крайне любопытно, что О.В. Орфинская усматривает скандинавское происхождение северорусского комплекса традиционной одежды, конкретно — поликовой рубахи и сарафана: «Поликовая рубаха и сарафан были характерны для скандинавских женщин, которые, вероятно, перенесли его на Русь, где он был воспринят и постепенно трансформировался в северорусский вариант традиционного костюма» (Орфинская 2017: 96).

Однако гипотеза О.В. Орфинской наталкивается, во-первых, на радикальное несоответствие предполагаемого результата (существенное изменение костюма — действительно одного из важнейших этносоциальных маркеров, и притом на обширных пространствах всего северорусского ареала) и реально наблюдаемых (весьма незначительных) по данным археологии, лингвистики и топонимики, равно как и физической антропологии, следов присутствия скандинавов в северорусском (да и вообще русском) ареале².

численность» предполагаемой ею «скандинавской элиты» Древнерусского государства.

² Выводы многих исследователей на этот счет приводились мной ранее; здесь нет ни возможности, ни необходимости повторять. Но любопытно все же представить здесь оценку самой Е.А. Мельниковой: «Ни Томсен, ни Стендер-Петерсен, ни отечественные специалисты по истории древнерусского языка не отмеча-

---

¹ Кстати, и сама Е.А. Мельникова занимает в этом вопросе весьма, на мой взгляд, адекватную позицию, неоднократно в своих работах подчеркивая «немного-

И, во-вторых, если суть скандинавского женского костюма составляли фибулы, то каким образом эта «суть» была утрачена при формировании (древне) северорусского комплекса?

Действительно, ведь «большая часть находок скандинавского происхождения, известных на территории Древней Руси, была сосредоточена в Гнездове» (Ениосова, Пушкина 2012: 36). В целом, для территории Руси «основная часть находок скандинавского происхождения с поселений сосредоточена на трех памятниках: в Старой Ладогге, на Рюриковом Городище и в Гнездове» (Puškina 1997: 90)³.

В том числе это касается и фибул.

Вне Гнездова в Верхнем Поднепровье находки скандинавских предметов, включая фибулы, единичны (Ениосова, Пушкина 2016: 266, 286). В Новгороде (который очевидно должен был быть эпицентром формирования северорусского костюма) на начало 80-х гг. прошлого века была обнаружена всего одна скандинавская скорлупообразная фибула (Седова 1981: 84). На сегодняшний день в Новгороде «число скандинавских предметов по-прежнему мало» (Гринев 2018: 73).

Поэтому, может, в поисках истоков северорусского комплекса женского костюма лучше бы обратиться к восточным балтам и прибалтийским финнам?

Ведь, как хорошо известно, например, «ливские женщины носили застегивающуюся поясную одежду, которую можно считать переходной формой от нешитой поясной одежды к сарафану на лямках ...Сходную поясную одежду, застегиваемую на плечах, носили в Скандинавии, Финляндии, ... и в Эсто-

нии» (Зариня 1986: 183; по поводу Эстонии смотрите также: Лаул 1986: 194).

Одежда типа «глухого сарафана» (именуемая *амы* или *рукка*) была характерна для женского костюма *води* (Шлыгина 1986: 210); причем «сходные с *амы* формы можно найти и среди русских глухих безрукавных косоклиньных сарафанов. Вероятно, были сходные формы и на территории Карелии и восточной Финляндии. Но ближе всего *амы* к эстонским археологическим материалам» (Шлыгина 1986: 217). Далее, женщины *ижоры* «носили своеобразную одежду из двух полотнищ на лямках, которую старые авторы называют “запонами”...»; сами ижоры именовали эти полотнища соответственно *ааннуа* (большее) и *хурстут* (меньшее) (Шлыгина 1986: 220—221). Любопытно, что термин *хурстут* рассматривается как русское влияние (Шлыгина 1986: 226).

Одежда сходного типа, также именуемая *хурстут*, характеризует и финнов-эвримейсет Привыборгской части Карельского перешейка (Н. В. Шлыгина рассматривает их как исконных жителей региона) (Шлыгина 1986: 223).

Как видим, в поисках истоков северорусского сарафана нет необходимости «плыть в Скандинавию».⁴

И, в отличие от скандинавской версии, восточнобалтско-прибалтийско-финская вполне соответствует и наличию обширного пласта балтской субстратной топонимии в ареале ильменских словен (да и, как хорошо известно, вообще на территории между Днепром и Волго-Окским междуречьем), и улавливаемому у них физической антропологией (С. Л. Санкина) балтскому же субстрату; о финно-угорском субстрате на Северо-Западе и Северо-Востоке древней Руси, полагаю, нет даже необходимости напоминать.

Но еще важнее то, что именно восточные балты и прибалтийские финны стали основным источником тех фибул (а также функционально эквивалентных им булавок), которые были характерны для восточных славян накануне возникновения Древнерусского государства: «преимущественно фибулы были украшениями балтов и финно-угров. В славянских памятниках они встречаются там, где славяне соприкасались с балтским и финно-угорским населением, т. е., на северо-западе

ют ни одного случая фонетических, морфологических или синтаксических инноваций в древнерусском, которые могли бы произойти под влиянием скандинавских языков. Единственная сфера, где взаимодействие этих языков может быть прослежено, — это лексика, т. е., наиболее проницаемая и динамичная область языка» (Мельникова 1984: 66). Но — «...и лексический взаимообмен не был интенсивным и широким». По К. Торнквист (работу которой Е. А. Мельникова отметила как наиболее строгую и объективную) — всего лишь десять слов в древнерусском заимствованы из скандинавских.

Для сравнения: «... длительное завоевание датчанами восточных областей Англии (Danelag), отразившееся в английском языке в виде многочисленных (до 10 % современного лексического фонда) лексических заимствований и ряда морфологических инноваций» (Мельникова 1984: 66). Или: «Завоевание скандинавами Нормандии, оставившее значительные следы в топонимике и лексике области...» (Мельникова 1984: 66).

³ Подробнее: Puškina 1997: 88—90.

⁴ Не говоря уже о том, что поликовая рубаша, как показал ряд исследователей (в первую очередь Н. И. Лебедева), на которых ссылается сама О. В. Орфинская, имеет общеславянский характер и известна в том числе и западным славянам (Орфинская, Степанова 2013: 115—116).

и северо-востоке. В южнорусских землях их почти нет» (Седова 1981: 83).

В Новгороде основную массу фибул X—XI вв. составляют подковообразные (Седова 1981: 84), «по своему происхождению связанные с кругом общевосточных и прибалтийско-финских древностей» (Покровская 1998: 12). Причем, «можно предполагать, что украшения прибалтийского происхождения уже в это время входили в новгородский костюм. Видимо, в X—XI вв. уже существовала сложившаяся традиция в системе украшений, а ее формирование выходит за рамки изучаемого периода (выделено мной. — А.Р.)» (Покровская 1998: 12). В XII веке «в новгородском костюме происходит замена фибул булавами» (Покровская 1998: 12); именно булавы (восходящие к более ранним балтским прототипам) использовались для застегивания наплечной несшитой одежды на территории Эстонии (за исключением о. Сааремаа и о. Муху, где использовались для этой цели тоже фибулы; фибулы же чаще использовались и на территории Финляндии) (Лаул 1986: 194, 199).

Подковообразные фибулы вообще характерны для ареала ильменских словен (Рябцева 2005: 62); для смоленских и полоцких кривичей наблюдается «широкое распространение подковообразных фибул» (Рябцева 2005: 57) — как, впрочем, и для псковских (Рябцева 2005: 60).

Более того, подковообразные фибулы накануне возникновения Древнерусского государства распространяются и много южнее: «нововведением является появление на лукарйковецких и роменских памятниках подковообразных фибул, которые будут существовать и в дальнейшем на древнерусских памятниках» (Рябцева 2005: 35). Для (бывшего) дреговичского ареала характерны «разнообразные подковообразные фибулы» (Рябцева 2005: 48). И — латгальские типы поясных бляшек.

Чрезвычайно важным источником здесь служат данные по латунам, из которых преимущественно изготавливались фибулы и булавы. Как показал анализ А.А. Коновалова (представленный в 1974 году), «в X—XV вв. существовало три зоны распространения сплавов, условно названных «прибалтийской», «новгородско-шведской» и «вятичской». В X—XI вв. «новгородско-шведская» зона не существовала. В этот период Новгород входил в «прибалтийскую» зону. ...Медь смешивали с цинкосодержащими рудами ...Источником цинка... служил каламин, который добывали в районе Верхнего Рейна и Мааса

...На базе этого сырья сложилась традиция изготовления латунных изделий, зафиксированная в восточноприбалтийских землях с первых веков I тыс. н. э. и в Новгороде X—XI вв. ...связи между восточнославянскими племенами и Прибалтикой, а через нее с центрами, экспортирующими медь в виде латунных слитков, сложились задолго до возникновения Новгорода. Новгородские купцы в X—XI вв. включились в традиционную систему связей» (Коновалов 2008: 49)⁵.

Здесь нужно уточнить, что в «прибалтийскую» зону А.А. Коновалов включал и Скандинавию (Ениосова, Митоян, Сарачева 2008: 155). Но в отличие от более поздней, «новгородско-шведской», в «прибалтийской» зоне, по мнению А.А. Коновалова, Скандинавия сама получала сырье, необходимое для производства изделий из латуни, через Прибалтику. Шведские медные рудники начали в рамках этой системы связей поставлять металл лишь в конце XI в. (Коновалов 2008: 49); в XII веке же Швеция (где начинается крупномасштабная разработка Фалунского рудника) становится основным поставщиком меди на Северо-Запад Руси (Ениосова, Митоян, Сарачева 2008: 156).

Н.В. Ениосова и соавт. сомневаются, что именно Восточная Прибалтика была источником поступления латуней на Русь в эпоху существования «прибалтийской» зоны — поскольку не располагала собственными месторождениями. Однако, если учесть, что типологически, как мы видели выше, те же подковообразные фибулы (а также многие другие украшения) Новгорода восходят именно к восточноприбалтийским, то, по крайней мере, приходится думать, что Восточная Прибалтика была важной составной частью пути, по которому латунь поступала на Северо-Запад (будущей) Руси⁶.

В свете этих данных, как мне кажется, мы должны еще раз задуматься и о том, в каком качестве и как попадали в древнерусский аре-

⁵ Ср. в этой связи: Романчук 2014: 350. Также: Завьялов, Розанова, Терехова 2012: 235, 258.

⁶ Собственно же в бассейн Балтийского моря поступление сырья для производства латуней, очевидно, шло через Юго-Запад Балтики. Вероятно, ключевую роль в этом на определенном этапе существования данной системы связей играли фризы. Их ведущее значение в балтийской торговле до VIII в. включительно подчеркивает, кстати, и Е.А. Мельникова (Мельникова 2012: 248, прим. 44; 2015: 25). Здесь же она указывает на их возможное участие в основании Ладоги.

ал (и, в частности, в Гнездово) собственно скандинавские фибулы⁷.

Для ответа на эти вопросы первостепенное значение имеет, полагаю, то, что большинство находок скандинавских фибул сосредоточено в северных областях территории древней Руси (Puškina 1997: 88—90). То есть, преимущественно в тех областях, где славяне (а также славянизируемое финское население) уже и до этого использовали фибулы⁸.

При этом, как подчеркивала еще В. С. Дедухина, скандинавские фибулы представлены в том числе в рядовых, не-элитных, курганах сельских поселений Северо-Востока Руси.

Весьма важным мне представляется и то, что среди скандинавских фибул на Руси «наиболее яркую и многочисленную группу составляют так называемые скорлупообразные или черепаховидные фибулы» (Андрощук 1999: 89). Полагаю, мы в первую очередь должны спросить себя: чем же объясняется такая любовь населения Древней Руси именно к этой разновидности скандинавских фибул?

А если учесть, что скорлупообразные фибулы представляют собой атрибут скандинавского **женского** костюма, то, как я уже подчеркивал, это заставляет нас задать следующий вопрос: так кто преимущественно двигался на Русь, скандинавы или скандинавские женщины?

Как мне кажется (не отрицая возможности того, что какая-то часть скорлупообразных фибул действительно попала на Русь вместе со скандинавскими женщинами; но подобные объяснения мы должны предлагать, на мой

взгляд, лишь в тех случаях, когда о скандинавском происхождении женщин свидетельствуют и данные погребального обряда — точно так же, как мы это делали бы для любой другой эпохи и культуры), в целом наилучшей интерпретацией имеющихся фактов будет рассматривать значительную часть фибул скандинавских типов (и в первую очередь — скорлупообразные), в (древне)северорусском ареале именно как результат торговли, как импорты⁹.

Такая интерпретация позволяет, кстати, достаточно просто и убедительно объяснять и загадку «археологического исчезновения скандинавов» на Руси в начале XI в. (Жарнов 1991: 220).

Ведь, безусловно, что ни попытка объяснить этот факт «стремительной ассимиляцией норманнов», ни предложенное Ю. Э. Жарновым объяснение («христианизация Руси и Скандинавии») неубедительны. Тогда как принятие в качестве искомого объяснения изменение характера торговых связей, обусловившее прекращение поступления такого рода скандинавских изделий в древнерусский ареал, — не требует от нас никаких неестественных допущений и предположений.

Таким образом, говорить о «скандинавской колонизации» в древнерусском ареале не приходится, полагаю.

Не можем мы говорить, на мой взгляд, и о «контроле скандинавов» над торговыми путями Восточной Европы. Равно как и видеть в Гнездово или Ладоге нечто большее, чем изначально поселения купцов, «торги», возникавшие с разрешения местных, восточноевропейских политий (подробнее: Романчук 2018: 103, прим. 14; см. в этой связи также: Радиньш 2003: 153—155)¹⁰.

⁷ Важным, и зачастую неучитываемым обстоятельством является также то, что мы безусловно должны различать «фибулы скандинавских типов» и «фибулы из Скандинавии» (см. в этой связи также: Комар, Хамайко 2014: 189). Всеми ведь отмечается факт широкого распространения скандинавских типов фибул также на территории Финляндии, Эстонии, в бассейне Даугавы, или по побережью Финского залива.

И для нас, безусловно, имеет чрезвычайное значение, попала ли та или иная фибула скандинавских типов непосредственно с территории Скандинавии — или же через восточнобалтское и прибалтийско-финское посредство. Или же даже — через Юго-Запад Балтики.

⁸ А также, видимо, и характерную несшитую на плечах одежду типа того же ижорского хурстута — переходную к сарафану. Мне лично также представляется вполне правдоподобным предположение, что одежда на лямках возникла не только как стадия перехода к собственно сарафану, но, в определенный период времени, и как субститут несшитой одежды, требовавшей фибул — поскольку даже железные фибулы для той эпохи представляли собой, по всей видимости, отнюдь не общедоступные изделия.

⁹ Кстати, можно ли предположить, что основной путь поступления скорлупообразных фибул в древнерусский ареал шел по Даугаве? В низовьях которой, у ливов, как мы помним, скорлупообразные фибулы стали органичной частью традиционного костюма.

¹⁰ Кстати, в литературе на сегодняшний день укрепилось представление, что древнерусское *Ладога* образовано от исходного финского топонима не напрямую, а через скандинавскую форму *Aldeigja* (Джаксон 2001: 106—107; Васильев 2011: 13). Не располагая сейчас возможностью представить себе весь контекст обсуждений вопроса (в частности, мне не доступны работы И. Микколы), я все же полагаю, что имеющиеся факты склоняют нас к, по крайней мере, необходимости еще раз вернуться к проблеме.

Во-первых, безусловный факт метатезы *ald>lad* действительно препятствует выведению скандинавского *Aldeigja* из *Ладога*. Однако в отношении собственно *Ладога* он свидетельствует лишь о весьма раннем (до метатезы в начальных сочетаниях *oГ, *oЛ в «пуч-

Местные политии Восточной Европы эпохи раннего средневековья, будь то славянские, балтские или финские, очевидно, обладали достаточной мощью и военным потенциалом, чтобы при желании закрыть скандинавам бесконтрольное движение по речным путям.

Наглядной иллюстрацией служит «зона недоступности» для западнобалтских и скандинавских вещей, возникшая на Западной Двине в ареале тушемлинской культуры (Казанский 2010: 104). Или массовое погребение в Сальме (о. Сааремаа), которое интерпретируется как захоронение свеев, «погибших от рук местных жителей-эстов» (Мельникова 2019: 71). Согласно выводам А. Радиныша (и, думаю, вполне убедительным), в IX—XII вв. «жителям низовьев Даугавы удалось удерживать под своим контролем Даугавский путь» (Радиныш 2003: 158).

И не случайно Хаук Длинные Чулки плывет на Русь на одном корабле — отпустив других своих спутников. Не случайно, вообще собиравшиеся для поездок в Восточную Европу отряды скандинавов были невелики, и, как правило, ограничивались одним кораблем (Мельникова 2019: 67).

И это радикальным образом отличается от поведения скандинавов в Западной Европе — где возникают Danelag и Нормандия.

Скандинавы, очевидно, вели себя пропорционально своим военным и демографическим возможностям в конкретном регионе. И если ни свой *Danelag*, ни своя *Нормандия* не возникли и в Восточной Европе, то, явно, что Восточная Европа в раннем средневековье изначально не была *terra nullius*.

Наоборот, можно полагать, что именно восточнославянские торговцы играли не только в торговле по Балтийско-Волжскому пути, но и в балтийской торговле одну из ведущих, ключевых ролей. На эту мысль наводит и известный (известный — но явно недооцениваемый) факт, который сложно интерпретировать как-то иначе.

А именно, то что «др.-рус. тѣргъ... “торг, рынок”... проникает в древнешведский язык, *torg*, откуда попадает в другие скандинавские языки..., что свидетельствует о древности заимствования, а также в западнофинский: *torgi*» (Мельникова 1984: 70). Причем, важный момент: «тѣргъ > *torg*... не только служит обозначением торговых площадей в средневековых шведских городах, но и образует топонимы в качестве географического термина» (Мельникова 1984: 75).

Думаю, этот факт сложно объяснить как-то иначе, чем то, что славянские купцы создавали свои «торги» на территориях свеев и западных финнов.

Литература

- Андрощук Ф. А. 1999. К датировке скандинавских фибул типа Petersen-51. *Vita Antiqua* (1), 89—94.
Васильев В. Л. 2011. Названия на -га в обратном словаре гидронимии Русского Северо-Запада. *Вопросы ономастики* 10 (1), 5—20.
Гринев А. М. 2018. Скандинавский след в материальной культуре раннего Новгорода (по мате-

риалам Неревского раскопа). В: Рыбина Е. А., Ениосова Н. В. (ред.). *Археология Древней Руси: проблемы и открытия*. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. Москва: МГУ, 72—73.

Джаксон Т. Н. 2001. *Austr í Gördum: древнерусские то-*

ке древненовгородских диалектов» (А. А. Зализняк); сравните много более позднее *Альденьга* (Матвеев 2007: 42, прим. 2) формировании уже именно славянского топонима — и, очевидно, первоначально именно в форме *Алдега/Алдога*.

Во-вторых, если пытаться выводить *Ладога* из *Aldeigja*, то безусловно, требует, объяснения и переход финального -*gja* — в -*ga* (при том, что эст. *Emajõgi* дало древнерусское *Омовжа*; поскольку Поволховье — зона расселения ильменских словен, то аналогичный рефлекс следовало бы ожидать и в случае *Aldeigja*).

И здесь, как мне кажется, следует учитывать выводы А. К. Матвеева по поводу топоформанта -*ga* (в топонимике Русского Севера, правда), и, в частности, его предположение (отталкивающееся от идеи Я. Калимы), что «русские (или еще раньше прибалтийские финны) воспринимали конечное *zV как усеченное обозначение реки, что и вело ко вторичному использованию этого форманта как в финской, так и в русской среде» (Матвеев 2007: 25).

Наконец, в-третьих, в качестве одного из ключевых

в пользу первоначальности скандинавского *Aldeigja* Т. Н. Джаксон предлагала аргумент археологический, согласно которому, славяне в Ладоге появились позже скандинавов; В. Л. Васильев де факто рассматривает это даже как главный (если не единственный) аргумент (Васильев 2011: 13).

Однако, учитывая, что название поселения *Ладога* образовано от одноименной реки (в чем все сегодня согласны), мы должны исходить здесь из времени появления славян не на самом поселении, а в районе реки Ладога. И по современным археологическим представлениям, славяне и на Северо-Западе в целом, и в районе Ладоги появились существенно ранее, чем это предполагалось еще 15—20 лет назад. Поручкой тому, в частности, расположенное в двух километрах от Ладоги (и более древнее) славянское городище *Любша*.

Таким образом, в свете этих фактов мне кажется более предпочтительным выводить славянское *Ладога* непосредственно из финской формы. Впрочем, своей задачей я вижу здесь скорее способствовать возобновлению обсуждения вопроса.

- понимы в древнескандинавских источниках. Москва: Языки русской культуры
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси. В: Рындина Н.В. (отв. ред.). *Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья*. Москва: Восточная литература, 107—192.
- Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. 2012. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнездово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. В: Сердюк Е.М., Фарбей А.М. (ред.). *Сугдейский сборник 5*. Киев; Судак: Горобець, 34—85.
- Ениосова Н.В., Пушкина Т.А. 2016. Гнездово как раннегородской центр эпохи формирования древнерусского государства и некоторые вопросы его интерпретации.
- Жарнов Ю.Э. 1991. Женские скандинавские погребения в Гнездове. В: Авдусин Д.А. (отв. ред.). *Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города)*. Москва: МГУ, 200—225.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. 2012. *Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси*. Москва: Анкил.
- Зариня А.Э. 1986. Одежда жителей Латвии VII—XVII веков. В: Рабинович М.Г. (отв. ред.). *Древняя одежда народов Восточной Европы*. Москва: Наука, 172—189.
- Казанский М.М. 2010. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов. *Stratum plus* (4), 17—127.
- Комар А.В., Хамайко Н.В. 2014. Рец.: Ф. Андрощук, В. Зоценко. Скандинавские древности Юга Руси: Каталог. Paris: АСНВуз, 2012. — 367 с. *АДИУ* 12 (1), 188—197.
- Коновалов А.А. 2008. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X—XV вв. В: Рындина Н.В. (отв. ред.). *Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья*. Москва: Восточная литература, 7—106.
- Лаул С.К. 1986. Одежда эстонцев I—XVII веков. В: Рабинович М.Г. (отв. ред.). *Древняя одежда народов Восточной Европы*. Москва: Наука, 190—207.
- Матвеев А.К. 2007. *Субстратная топонимия Русского Севера III*. Екатеринбург: УрГУ.
- Мельникова Е.А. 1984. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке. *ДГВЕ* 1982, 62—75.
- Мельникова Е.А. 2012. Европейский контекст возникновения древнерусской государственности. *ДГВЕ* 2010, 240—269.
- Мельникова Е.А. 2015. Возникновение Древнерусского государства в европейском контексте: постановка проблемы. *Вестник РГГУ* 9 (152), 20—34.
- Мельникова Е.А. 2019. Скандинавы в Восточной Европе: от стихийного потока к государственному регулированию. *Российская история* (4), 66—81.
- Орфинская О.В. 2017. Русский сарафан и Скандинавия: формирование русского костюма на базе археологических данных. В: Урванцева Н.Г. (отв. ред.). «Свое» и «чужое» в культуре. Материалы XI Международной научной конференции (г. Петрозаводск, 22—24 июня 2017 года). Петрозаводск: ПетрГУ, 96—98.
- Орфинская О.В., Степанова Ю.В. 2013. К вопросу о формировании русской традиционной одежды с поликами. *ЭО* (5), 114—122.
- Покровская Л.В. 1998. *Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода: систематизация, хронология, топография*. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Москва: МГУ.
- Радиных А. 2003. Даугмале и Даугавский путь. К проблеме образования городов. *Archaeologia Lituanica* (4), 152—160.
- Романчук А.А. 2014. Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии. *Stratum plus* (5), 345—355.
- Романчук А.А. 2018. Происхождение клятв русов «оружьем и обручем»: славянские, германские и кельтские параллели. *Revista Arheologică* XIV (1), 93—107.
- Рябцева С.С. 2005. *Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Седова М.В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.
- Шлыгина Н.В. 1986. Архаические формы женской одежды води и ижоры. В: Рабинович М.Г. (отв. ред.). *Древняя одежда народов Восточной Европы*. Москва: Наука, 208—228.
- Puškina T.A. 1997. Scandinavian finds from old Russia. A survey of their topography and chronology. In: Hansson P. (ed.). *The rural Viking in Russia and Sweden*. Örebro: Örebro kommuns, 83—92.

References

- Androshchuk, F.A. 1999. In *Vita Antiqua* (1), 89—94 (in Russian).
- Vasiliev, V.L. 2011. In *Voprosy onomastiki (Problems of Onomastics)* 10 (1), 5—20 (in Russian).
- Grinev, A.M. 2018. In Rybina, E.A., Eniosova, N.V. (eds.). *Arkheologiya Drevnei Rusi: problemy i otkrytiia (Archaeology of Ancient Rus: Issues and Discoveries)*. Moscow: Moscow State University, 72—73 (in Russian).
- Jackson, T.N. 2001. *Austr í Görðum: drevnerusskie toponimy v drevneskandinavskikh istochnikakh (Austr í Görðum: Ancient Russian Toponyms in Ancient Scandinavian Sources)*. Moscow: “Iazyki russkoi kul’tury” Publ. (in Russian).
- Eniosova, N.V., Mitoyan, R.A., Saracheva, T.G. 2008. In Ryndina, N.V. (ed.). *Tsvetnye i dragotsennyye metally na territorii Vostochnoi Evropy v epokhu Srednevekov’ia (Non-Ferrous and Precious Metals on the Territory of Eastern Europe in the Middle Ages)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ., 107—192 (in Russian).
- Eniosova, N.V., Pushkina, T.A. 2012. In Serdiuk, E.M., Farbei, A.M. (eds.). *Sugdeiskii sbornik (Sugdaia Collected Papers)* 5. Kiev; Sudak: “Gorobets” Publ., 34—85 (in Russian).
- Eniosova, N.V., Pushkina, T.A. 2016. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy 2014 (The Earliest States in Eastern Europe: 2014)*, 258—303 (in Russian).
- Zhamov, Yu.E. 1991. In Avdusin, D.A. (ed.). *Smolensk i Gnezdo (k istorii drevnerusskogo goroda) (Smolensk and Gnyozdovo (towards a history of the old Russian town))*. Moscow: Moscow State University, 200—225 (in Russian).
- Zavyalov, V.I., Rozanova, L.S., Terekhova, N.N. 2012. *Traditsii i innovatsii v proizvodstvennoi kul’ture Severnoi Rusi (Traditions and Innovations in the Production Culture of Northern Rus)*. Moscow: “Ankil” Publ. (in Russian).
- Zarinia, A.E. 1986. In Rabinovich, M.G. (ed.). *Drevniaia odezhda narodov Vostochnoi Evropy. Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu (Ancient Clothing of the Peoples of Eastern Europe: Materials to the Historical and Ethnographical Atlas)*. Moscow: “Nauka” Publ., 172—189 (in Russian).

- Kazanski, M.M. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 17—127 (in Russian).
- Komar, A.V., Khamaiko, N.V. 2014. In *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukrainy (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 12 (1), 188—197 (in Russian).
- Konovalov, A.A. 2008. In Ryndina, N.V. (ed.). *Tsvetnye i dragotsennye metally na territorii Vostochnoi Evropy v epokhu Srednevekov'ia (Non-Ferrous and Precious Metals on the Territory of Eastern Europe in the Middle Ages)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 7—106 (in Russian).
- Laul, S.K. 1986. In Rabinovich, M.G. (ed.). *Drevniaia odezhda narodov Vostochnoi Evropy. Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu (Ancient Clothing of the Peoples of Eastern Europe: Materials to the Historical and Ethnographical Atlas)*. Moscow: "Nauka" Publ., 190—207 (in Russian).
- Matveev, A.K. 2007. *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa (Substrate Toponymy of Northern Russia)* III. Yekaterinburg: Ural State University (in Russian).
- Melnikova, E.A. 1984. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy 1982 (The Earliest States in Eastern Europe: 1982)*, 62—75 (in Russian).
- Melnikova, E.A. 2012. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy 2010 (The Earliest States in Eastern Europe: 2010)*, 240—269 (in Russian).
- Melnikova, E.A. 2015. In *Vestnik RGGU (Bulletin of the Russian State University for the Humanities)* 9 (152), 20—34 (in Russian).
- Melnikova, E.A. 2019. In *Rossiiskaia istoriia (Russian History)* (4), 66—81 (in Russian).
- Orfinskaya, O.V. 2017. In Urvantseva, N.G. (ed.). «Svoe» i «chuzhoe» v kul'ture ("Mine" and "Theirs" in Culture). Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 96—98 (in Russian).
- Orfinskaya, O.V., Stepanova, Yu.V. 2013. In *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)* (5), 114—122 (in Russian).
- Pokrovskaya, L.V. 1998. *Ukrasheniia baltского i finno-ugorskogo proiskhozhdeniia srednevekovogo Novgoroda: sistematizatsiia, khronologiya, topografiia (Decorations of Baltic and Finno-Ugrian Origin in Medieval Novgorod: Systematisation, Chronology, Topography)*. PhD Thesis. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Radiš, A. 2003. In *Archaeologia Lituanica* (4), 152—160 (in Russian).
- Romanchuk, A.A. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 345—355 (in Russian).
- Romanchuk, A.A. 2018. In *Revista Arheologică XIV* (1), 93—107 (in Russian).
- Ryabtseva, S.S. 2005. *Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii formirovaniia (Early Russian Jewelry Set. Main Development Trends)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).
- Sedova, M.V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th—15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Shlygina, N.V. 1986. In Rabinovich, M.G. (ed.). *Drevniaia odezhda narodov Vostochnoi Evropy. Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu (Ancient Clothing of the Peoples of Eastern Europe: Materials to the Historical and Ethnographical Atlas)*. Moscow: "Nauka" Publ., 208—228 (in Russian).
- Puškina, T.A. 1997. Scandinavian finds from old Russia. A survey of their topography and chronology. In Hansson, P. (ed.). *The rural Viking in Russia and Sweden*. Örebro: Örebro kommun, 83—92.

Статья поступила в номер 2 апреля 2020 г.

Aleksey Romanchuk (Kishinev, Moldova). Master of Anthropology. Institute of Cultural Heritage of Academy of Sciences of Moldova¹.

Романчук Алексей Андреевич (Кишинёв, Молдова). Магистр антропологии. Институт культурного наследия Академии наук Молдовы.

E-mail: dierevo@mail.ru, dierevo5@gmail.com

Address: ¹ Stefan cel Mare Bd., 1, Kishinev, MD-2001, Moldova